

Поздравляем с Новым 2012 годом!

Кубанский писатель

№ 12 (55)

декабрь
2011 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

Событие

Надежда и краснодарские музы

Для литераторов Кубани декабрь этого года стал самым значимым месяцем в году. Краснодарское региональное отделение Союза писателей России при содействии Департамента культуры края и руководителя Кубанского казачьего хора В. Г. Захарченко, предоставившего аудитории на Красной, 5, пригласили для участия в Семинаре начинающих литераторов Кубани самых талантливых.

Руководители секции «Поэзии»:

С. Н. Макарова, Л. К. Мирошникова, Н. А. Мирошниченко, Н. Т. Василинина, Г. Н. Ужегов

В Краснодар съехались более семидесяти человек, а ожидалось не больше пятидесяти, что говорит о возрастающем интересе и авторитетности мероприятия.

Как всегда этому предшествовала большая работа в течение года: выездные семинары и мастер-классы, занятия литературных объединений в Краснодаре и крае, консультации, отзывы, рецензии, публикации начинающих в газете «Кубанский писатель».

«Нельзя уменьшать значение подобных мероприятий, – сказала председатель краевого отделения Союза писателей Светлана Макарова, – ведь известный ныне всему миру поэт Юрий Кузнецов в молодые годы уехал из Краснодара в обиду и всю жизнь считал, что его не оценили в родном городе, не помогли ему. Главнейшая задача творческого союза – выявить таланты и помочь им встать на крыло.

Для того, чтобы придать итоговому се-

минару года максимально качественный уровень, для того, чтобы никто не сомневался в объективности и профессионализме звучащих критических замечаний, мы стараемся привлечь к руководству краевыми семинарами не только кубанских мастеров слова, известных у нас в крае и за его пределами прозаиков и поэтов. Но обязательно тех, кто возглавляет ныне литературный процесс всей страны. В Краснодаре в последние годы с начинающими авторами работали именитые поэты и прозаики из Москвы А. А. Шорохов, Н. В. Переяслов, В. В. Дворцов».

В этом году руководить семинаром приглашена Надежда Александровна Мирошниченко, секретарь правления Союза писателей России, поэт, лауреат Государственной премии Республики Коми, Большой литературной премии России, доцент кафедры СО гуманитарного факультета университета УГТУ, автор 11 сборников стихов

и множества публикаций в литературных журналах страны. Вместе с ней стихотворные тексты анализировали авторитетные кубанские поэты Любовь Кимовна Мирошникова, Вячеслав Александрович Динка, Нелли Тимофеевна Василинина.

В секции «Прозы» работали известный в стране Николай Алексеевич Ивеншев, а также Борис Евгеньевич Шереметьев, Секретарь правления Союза писателей России (Москва) и руководитель секции «Прозы» писательской организации Людмила Дмитриевна Бирюк.

Столь профессиональное руководство семинара предполагало серьезный разговор.

А качество текстов позволило назвать имена тех, чьи стихотворные и прозаические произведения достойны самых высоких оценок, и потому начинающих авторов можно смело признать состоявшимися поэтами и прозаиками.

Среди них Степан Деревянко, Владимир Царёв (секция «Прозы»); Анна Мамаенко, Алёна Галуза, Андрей Насонов, Марина Тараненко, Светлана Лаврентьева, Елена Шульгина, Владимир Романов, Ирина Ихенова (секция «Поэзия»).

– Мне было очень интересно сравнить север и юг, – призналась Н. А. Мирошниченко, – и я с радостью согласилась приехать из Сыктывкара в Краснодар, внимательно прочитала все предоставленные мне работы. Могу сказать, я покорена разнообразием поэтических школ, от классической до интернет-поэзии, и не только даровитостью авторов, но и их научностью. Они владеют основами ремесла. А в литературе, как и в любом другом деле, невозможно обойтись только вдохновением. И вот это владение ремеслом я отношу к плюсам краснодарского писательского союза, их постоянной заботе о молодых.

Уже сегодня, среди прозвучавших имён, я могу рекомендовать для выступления в Союз писателей России поэтов Аню Мама-

Н.А. Мирошниченко
в галерее «Сантал»

енко (Краснодар) и Галину Дадукину (Сочи). Уверена, что и остальные, проанализировав уроки семинара и наши рекомендации, обязательно порадуют читателей новыми самобытными стихами.

Информация о семинаре будет не полной, если не добавить, что встречи с читателями самой Надежды Мирошниченко, а выступала она в Сочи (музей Н. Островского), в Краснодаре (журфак КСЭИ и художественная галерея «Сантал») прошли с большим успехом. Каждый раз, будь это зрелые интеллигенты или романтики-студенты, аудитория замирала от непобедимой искренности и беспредельной любви, с которыми к ним пришёл поэт. Стихи, прозвучавшие в исполнении автора, – та самая прививка, которая позволит присутствующим на встречах всегда отличать поэзию от суррогата. Очень хочется надеяться, что это не последний приезд Надежды Мирошниченко в наш край. И в следующий раз аудитории для её почитателей станут намного шире.

СОБИНФО

Поэзия: ростки истинно русского

Вячеслав Динка,
руководитель семинара,
секция поэзии

В Краснодаре, в здании Кубанского казачьего хора, прошёл семинар начинающих литераторов Кубани, с чем хочется поздравить всех нас – и членов регионального отделения Союза писателей России, и авторов, делающих первые шаги в литературе, и всю почитающую себя причастной к культуре общественность края, ибо мероприятие это стало настоящим событием в культурной жизни. Сам ход семинара, как и его итоги, настраивает на оптимистический лад, во многом благодаря руководителям семинара во главе с Надеждой Александровной Мирошниченко, председателем Краснодарского регионально-

го отделения Союза писателей России Светланой Николаевной Макаровой и лауреатом премии «Литературной газеты» им. А. Дельвига, премии журнала «Москва» Николаем Алексеевичем Ивеншевым. Семинар прошёл в на редкость конструктивной, доброжелательной обстановке, в которой присутствовали и глубокий профессиональный анализ произведений начинающих авторов, и откровенный разговор о роли писателя, о важности, драгоценности русского слова в наше сложное и многозначное время. Многие радуют в представленной на семинаре палитре художественных стилей, в разнообразной

манере письма. И даже «разброс» мнений о некоторых творческих приёмах начинающих свой путь в литературе прозаиков и поэтов радует своей открытостью и заинтересованностью молодых и опытных литераторов в поиске путей русского слова к сердцу современного читателя. Нельзя не заметить, как помолодел состав участников семинара по сравнению с предыдущими годами, и вполне достойный, надо сказать, состав.

Тенденция, которая выявилась среди множества современных молодых авторов, – уход в себя. Свой внутренний мир, свои ощущения, чувства, рефлексии стали

интересовать поэтов гораздо больше, чем окружающая действительность. И этому нетрудно найти объяснение. Уж слишком жестоким стал окружающий мир, коммерческим и чересчур рациональным для поэта, человека, у которого смысл жизни заключается в иррациональности. Исчезли и гражданские темы как таковые. О какой гражданской лирике можно говорить в эпоху, когда даже слово «патриот» считалось почти что ругательным?

Но что интересно – в наше время, похоже, на смену массового поэтического творчества...

(Продолжение на стр. 2)

Событие

Поэзия: ростки истинно русского

(Окончание. Начало на стр. 1)

...из окружения рэперов и рокеров начала 2000-х, из групп готов, этно и фолк-коллективов, из мусорных нагромождений интернет-поэзии, постепенно выкристаллизовываясь из этой несколько хаотичной среды, вырастают, как сталактиты, ростки талантливого, яркого, истинно русского слова – ростки ещё робкие, порой болезненные, но настоящие, правдивые, объёмные, обещающие расцвести со временем настоящим явлением новой русской литературы.

На семинаре были отмечены и интеллектуально-выверенная, слегка холодноватая поэзия Андрея Насонова, и пронизанная болью, страшно-обнажённая поэтическая манера Светланы Лаврентьевой, и полная исканий, напряжения, смятения муза Алёны Галуза, и тонкий лиризм Анастасии Фетисовой, и профессионально-отточенная, неопровержимая по мысли поэзия Анны Мамаенко, и глубокая простота стихов Натальи Бедной, Елены Степуры и Анны Вартаньян. Приятным открытием на семинаре стали творческие искания Вла-

димира Романова, твёрдый голос его по-настоящему мужской поэзии. Порадовала творческим ростом Ольга Немыкина. А Марина Тараненко, которая на прошлом семинаре с её удивительными детскими стихами была названа кандидатом для вступления в Союз писателей России, нынче уже была рекомендована руководителями семинара для вступления в полноправные члены писательского сообщества.

Словом, порадовали и участники семинара, и слушатели. Порадовало трепетное участие в судьбе страны, искренняя боль за страдания своего народа, простых людей, на чью долю выпало немало испытаний в наше трудное время. Порадовала любовь к родному языку, понимание великой истины, которую высказал в трудное для Родины послевоенное время Алексей Николаевич Толстой:

«Русский язык! Тысячелетия создавал народ это гибкое, пыльное, неисчерпаемое богатое, умное поэтическое... орудие своей социальной жизни, своей мысли, своих чувств, своих надежд, своего гнева, своего великого

будущего... Дивной вязью плел народ невидимую сеть русского языка: яркого, как радуга вслед весеннему дождю, меткого, как стрелы, задушевного, как песня над колыбелью, певучего... Дре-

мучий мир, на который он накинуд волшебную сеть слова, покорились ему, как обузданный конь».

В заключение нельзя не выразить благодарность Кубанскому казачьему хору, его

руководителю Виктору Гавриловичу Захарченку за предоставленную возможность провести столь значимое литературное мероприятие в достойных условиях.

Людмила Бирюк,
руководитель секции прозы

Всеобщего благодушия, как и следовало ожидать, не было и в помине. На семинаре прозвучало немало критических высказываний, но, положив руку на сердце, признаем очевидное: в отличие от прошлых лет, нынешний семинар открыл на удивление много по-настоящему одаренных прозаиков.

Елена Шульгина из города Ейска представила повесть «Бабочка на краешке листа» о сложных, порой запутанных человеческих отношениях, о том, что путь к душевному очищению лежит через страдание и раскаяние. Несмотря на нарочитую усложненность композиции, а также излишнюю романтизацию страданий и смерти, нельзя не отметить, что повесть написана удивительно чистым и легким языком. Для писателя это самое главное, и мы надеемся, что на следующий семинар Елена представит новые талантливые произведения. У нее к этому есть все данные.

Часто приходится сталкиваться с интересным явлением. Когда автор пишет о том, что плохо знает, у него, как правило, язык вялый, герои неубедительны, сюжет явно надуман. Но вот тот же автор берет близкую ему тему... И, словно по волшебству, преобразается его проза. Откуда только берутся нужные, точные слова! Таков Василий Макаруч, приехавший из Хадзыженска. Его рассказы «Белка», «Ловушка» и им подобные, вызвали прохладные оценки руководителей. Но когда речь пошла о рассказе «Пламя земли. (Один день операторов-нефтяников)», критики сразу потеплели. Неподдельное восхищение людьми труда, любовь к родной земле, которую автор не наблюдает равнодушно из вагонного окна, а живет и работает на ней, – вот что главное в рассказе.

Читая повесть Макаруча «Ты боль души моей, Абхазия», мы невольно вспоминаем полузабытое, труднопроизносимое слово

ПРОЗА: ПИСАТЬ О ТОМ ЧТО ДОРОГО

Литературный семинар... Сначала – бессонные ночи над сотнями страниц компьютерного текста, ремарки на полях, сомнения, досада, восторг, а потом – незабываемая встреча с авторами, отдавшими на суд краснодарских писателей самое дорогое: плоды своего творчества. Сейчас, когда немного улеглись волнения и впечатления, понимаешь, как много полезного дал семинар всем нам: и авторам, и руководителям. И снова, в который раз, поражаешься верности мудрого изречения о том, что «в споре рождается истина».

«интернационализм». Хотя это слово ни разу не произносят герои повести, они буквально пропитаны его духом. Бойцы-миролюбивцы проливают кровь за справедливость, за свободу абхазского народа, который видит в них своих освободителей.

При всей неповторимости и индивидуальности, литературный герой всегда неразрывно связан с эпохой, в которую он живет. Это удалось показать Анне Седуновой из станицы Старощербиновской. Чем так привлекательна простая медсестра Лидочка из одноименной повести, не совершившая никаких подвигов, не достигшая особенных высот в карьере, не слишком счастливая в любви? Да тем, что в ней есть узнаваемые черты своего поколения, своего времени, когда достоинство человека измерялось не крупным счетом в банке, а честно прожитой жизнью и добрым отношением к людям.

Никогда не получится хорошего рассказа, повести или статьи, если автор равнодушен к тому, о чем пишет. Личное отношение автора одухотворяет, преобразует, заставляет проникновенно звучать даже небольшое, скромное произведение. Жительница Ейска Марина Мелихова привезла на семинар только один рассказ «Детеныши», но его невозможно читать без волнения. Это история о материнской любви, подлинной и мнимой, о том, что иногда животное становится нравственно выше жестокого, опустившегося человека. Все персонажи предстают перед нами, как наяву: и самоотверженная кошка, и бессердечный дворник, бросивший живых котят в машину с мусором, и пьяная женщина, для которой собственный сын стал обузой, и несчастный мальчик, который, не смотря ни на что, продолжает терпеливо и преданно ждать ушедшую от него мать. О рассказе

«Детеныши» много спорили на семинаре. Прозвучали не только добрые отклики, но и критические замечания, которые автор приняла с благодарностью. Действительно, рассказ нуждается в некоторой доработке. Но произведение Марины Мелиховой никого не оставило равнодушным, что само по себе является большим успехом для молодого прозаика.

Было бы странно, если бы на Краснодарском литературном семинаре не прозвучала тема казачества – тема актуальная, востребованная, интересная. Кому, как не кубанцам, писать о своей истории? Краснодарец Валерий Федорович Лимонов представил свою новую работу – художественно-документальную повесть «Заповедный клад». Воспоминания автора о своем детстве перемежаются с картинами прошлого, приводятся много интересных исторических фактов. В повести есть и детективная сюжетная линия: юные герои ищут клад золотых монет, когда-то захваченных казаками у анархистов. Никакого клада они так и не находят: он давно покоится на дне лимана. Но ребята не унывают. Для них важен не клад, а романтика поиска, верная дружба и мальчишеская вольница...

Есть на Кубани настоящие подвижники культуры, такие как, например, давний и добрый друг нашей писательской организации, руководитель литературного объединения «Лель» Галина Александровна Кондакова (ст. Темиргоевская). За многолетнюю творческую деятельность она была отмечена премией Краснодарского отделения СП России.

Два автора стали настоящим открытием семинара – Степан Деревянко из станицы Стародеревянковской Каневского района и Владимир Царев из Геленджика.

Жизненный опыт, воображение, языковое чутье, которое подобно музыкальному слуху помогает выбирать правильные слова, – все это присуще Владимиру Цареву, представившему цикл рассказов, самых разнообразных по темам и жанрам. Среди них и зарисовка из жизни собаки – «Один день из жизни Ричи», и сатирический памфлет «Двести граммов рифм», и случай из собственной врачебной практики – рассказ «Альфа и Омега», в котором автор просто и ясно выражает глубокую философскую мысль о том, что человек смертен, а человечество бессмертно. Особенно запомнился слушателям печальный рассказ «Из писем одинокого человека» о брошенном старике, который коротает время тем, что пишет письма дочери, не надеясь на ответ. С каждым новым письмом все отчетливее видится безысходность его жизни.

Тему сострадания и милосердия по отношению к пожилым людям поднимает и Степан Деревянко, покоривший сердца участников семинара рассказом «Аккумулятор». Достоверный случай из жизни передан без излишней сентиментальности, но в конце рассказа мы плакали вместе с героем. Старик – от благодарности за помощь и одновременно от боли за обиду, а мы – от сострадания к несправедливо обиженному человеку.

У Деревянко несомненный дар художника слова. Все его персонажи узнаваемы и неповторимы: маленькая гордая цыганочка, не умеющая говорить «спасибо», хлопотливая старушка из рассказа «Пирижечки», которая «вся будто светится насквозь», как истертая временем дерюжка», невольный виновник пожара – маленький мальчик, на помощь которому приходят взрослые, а потом, потушив пламя, устраивают ему настоящий день рождения...

В отличие от многих писателей, Деревянко не смотрит на жизнь однобоко, замечая только её темные стороны. Он рисует её во всей полноте и многогранности, искренне веря в торжество добра.

За произведение высокого творческого уровня Степан Деревянко и Владимир Царев были награждены грамотами Краснодарского отделения Союза писателей России.

Самую сложную мысль и самое сильное чувство можно выразить в простой, понятной форме. И тихое слово может иметь огромную силу. Не стоит красоваться словами. Нужно просто следовать своему характеру, своей природе, писать о том, что тебе дорого, и тогда твоё слово поймут и запомнят.

Елена Шульгина

Отпустите меня, города,
Где вкус неба в домах, как заплатка,
Где, похоже, уже навсегда
Я любовью и долгом распята...

Где с витрин смотрят, словно с картин,
Манекены в убранствах тряпичных,
Где гладь улиц, как сеть паутинок,
Что раскинута в дебрях безличных...

Но в спешащей вокруг суеде
Я теряюсь всё чаще и чаще,
И мне снятся просторы не те,
Что несёт каждый день настоящий.

Мне б отсюда, где пыльно всегда,
Где гудки и афишные тумбы,
В те места, где зеркальна вода
И цветы, не пленённые в клумбы...

Где пичуга распелась вздохом,
Высоко, там, где солнце в зените.
Мне бы жизнь полюбить эту чтоб,
Отпустите меня, отпустите.

Андрей Насонов

Предчувствуя приближенье большого тепла,
цепенею, как ящерицы на солнцепеке,
Подставляя размякающие тела
Благодати расцветающего на востоке.

Деревья, восставши из мёртвых,
Костлявы, но шумят уже по иному,
Раскачивая своими телесами-мётлами
В ожиданье обмены.

А пока во все стороны пустота,
Округа глуха в ожидании жаворонков.
Скоро снова распнут Христа,
И на стволе проступает кровь
Красной струйкой клопов-пожарников.

Заметелила мелом доска.
Сколько лет высветляешь тьму?
Но мы все прошли через эти
наскальные письмены
И научились письму.

И как памятник тёмному детству –
Этот чёрный квадрат.
Нам всё время хотелось деться
Куда-нибудь в аккурат
Мимо школы через ограду
в поле, где кричал футбол.
Строгость родителей добавляла градус
свободы и дарила ременную боль.

Мы боялись, как выстрела, вызова
К доске, к барьеру. Кто же смел?
И выложивши всё, что вызубрили,
первыми ложились в мел.

Учитель-шаман поседел.
Заметелила мелом доска.
Мы с тобой стоим по сей день
Перед ней, не зная, что сказать.

Доска расширилась до пределов,
И мы шагаем за её край.
Мы снова, как в детстве, измажемся мелом,
Может нас пустят в рай.

Анна Мамаёнок

В краю полуночных стрекоз,
Среди прекрасных суеверий,
Брести неведомо куда,
Покуда посох не расцвел.
Пока не кончился песок,
Что был судьбой тебе отмерян.
Пока Серебряный Стрелок
Через ручей не перешел.

В краю разрушенных преград,
Поросших музыкой древесной,
Птенец реликтовых кровей
Покинет лунное гнездо.
И, устремившись за тобой,
Неважно – пулей или песней,

Молодая поэзия Кубани

В твоей доверчивой руке
Найдет сомнительный постой.

Нести живое серебро
Сквозь толщу вызревшего мрака,
Чтоб тихо торкалось в ладонь,
Сжигая пальцы до костей.
Чтоб нежность с болью пополам,
До восклицательного знака,
До многоточия следов
В квадрате канувших вестей.

Косноязыкий треск ветвей
За космоликим полубогом.
Лишь окна высохших стрекоз
На вдавленном речном песке.
Смотри, Серебряный Стрелок,
Сутулясь, вышел на дорогу.
Покойно лунному птенцу
В твоей разжавшейся руке.

Наталья Бедная

Успела вскочить на подножку трамвая,
Мгновенье – и дверь затворилась за мной.
Я долго ждала, на тебя уповая...
Но вдруг я себя увидела иной!

Колёса стучат. Мысли катят волною.
Мелькают зелёные кроны берёз,
И солнце сквозь листья играет со мною...
Ты слёз не увидишь – трамвай их увёз.

Подталкивает ветер в спину.
Мир от обиды не покину!
Домой!
Укрывшись на диване,
Не думать о твоём обмане...

Судьба как ягода кислица.
Стихи слагаются.
Не спится.
В моём окне темным-темно.
Тебя забыть пытаюсь, но...

Анастасия Фетисова

Из пекарни пахнет хлебом,
С поля – скошенной травой.
На покос шагаю с дедом
По дороге грунтовой.

Серп в руках, мешок холщовый,
Летний воздух прян и сух.
Дед мой, сильный и здоровый,
Напеваёт песни вслух.

Деревянные заборы
В пышной зелени стоят,
А за ними разговоры,
Морды тычутся телят.

У дворов гуляют утки,
Куры мостятся в пыли.
Дед бормочет прибаутки...
Речка плещется вдали...

Дней счастливых вереницу
Время вихрем унесло.
По ночам в тоске не спится,
Вспомнив деда и село.

Алёна Галуза

Горем обуглены травы росные.
Счастье, по углям ступая, морщится.
Шаг – и, наверное, правы взрослые –
Детство кончится.

Реки молочные медом залиты
Мед пахнет гриппом – противно-приторно.
Мамочка, мама... как в детстве, маленькой,
Слезы вытри мне.

Счастье нашкодит вихрасто-рыжее,
Детские слезы нахлынут ливнями.

Мама обнимет – над полем выжженным
Солнце выглянет.

Мама обнимет, а мне не плачется.
Засуха в сердце и детство кончилось.
Брошенным плюшевым серым зайчиком
Счастье скорчилось.

Рыжий подросток – вихрастый, ветреный –
Пристально смотрит на небо звездное.
Были когда-то мы все бессмертными,
Стали – взрослыми.

Елена Степура

Вдруг берёза у окна
Пожелтела
И до времени листва
Облетела...

Как к тебе, я к ней, родной,
Прижималась –
Пожалеть и успокоить
Старалась.

Но она меня ветвями
Хлестала,
Видно ласки ей моей
Было мало.

И гнала меня – тепла
Не хотела...
Отчего её сердечко
Болело?

Может быть, она от боли
Кричала?
Как и я, о друге милом
Скучала...

Владимир Романов

Румба

Руки касается рука,
Бедро касается другая,
Душа во мне дрожит слегка,
От нетерпения сгорая.

Глаза напротив, как миндаль,
В них – жажда моего закланья,
Я превращаюсь в вертикаль
Горизонтальности желанья.

Сердцебиенье не унять –
Став солнечным протуберанцем,
Всё умудрившись потерять,
Я растворяюсь в этом танце.

Партнёрша брошена к ногам,
Я словно вырвал своё сердце
И, начинив горючим перцем,
Отдал его на суд богам...

Очнулся – мокрый, под дождём
Стою у театральной тумбы:
Мужчина с женщиной вдвоём
Танцуют огненную румбу...

Светлана Лаврентьева

Давай сначала поговорим

Пока я просто не замечаю
Твое лукавое «может, чаю?»,
Твое присутствие там, внутри,
В том самом органе, где болят
Конфликты долга с привычным чувством
Себе подобных...
О Джейсе с Прустом,
О Мопассане, Рембо, Золя,
О карте вин, голубых сырах,
Мужских парфюмах, нерезких фото,
О детях, родственниках, работах,
Маршрутах, азимутах, ветрах...

О чем угодно, но не молчать,
Осознавая, что каждый хочет
Уйти от собственных одиночеств.

Уйти в другого.
Давай свой чай.

Ольга Немькина

Ветер паутинки
по кустам развесил,
Сад в осенней дрёме
шелестит листвою,
Почему ж, любимый,
ты опять невесел,
Почему сегодня
ты грустишь со мной?

Может, это просто
осень виновата,
Может, истощился
нежности запас
Не печалься, милый,
пусть любви соната
В этот день осенний
согревает нас.

Я хочу, чтоб снова
ветер куролесил,
Чтобы паутинки
серебром плелись,
Чтобы ты, как прежде,
был со мною весел,
Чтобы только радость
нам дарила жизнь.

Ольга Хомич-Журавлёва

Мой цвет одежды – черный.
Не потому, что ночь,
Не потому, что войны,
И чьи-то души – прочь.

Не оттого, что модно,
Не траур по родне.
Стройнит и благородно?
Нет, по другой вине:

Завистливым вниманьем,
Я с ног до головы,
Как черным одеяньем,
Окутана людьми.

Марина Тараненко

Скороговорка

На лыжах рысенок
Несется с горы,
А рыжий лисенок
Сидит у норы.

Рысенок хохочет:
«Поймай меня, рыжий!»
Лисенок бормочет:
«Эх, были бы лыжи!»

Чистюля

У малышки Ксюши
Добрый кот живет,
Утром моет уши,
Шею и живот.

Он большой чистюля,
Ксюшу стал учить:
Ну-ка, капризуля,
Быстро руки мыть!

Сапожки

Мы – зеленые сапожки
Разгильдяева Сережки.
Где мы только не бывали?
Все на свете повидали.

Мы по лужицам ходили,
А потом с размаху били,
По мячу и по портфелю...
Нас не чистили неделю.

Мы валялись под столами,
Под кроватью, за шкафами.
Наконец, мы рассердились –
Взяли да и развалились.

юбилей

«ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ»

Неведомая земля Древней Руси... Мы бросаем взгляд в необозримую даль, испытывая противоречивые чувства, пытаемся сквозь толщу веков разглядеть черты далекого прошлого. Оно для нас – словно покинутый отчий дом. Обращаясь к истории Родины, мы возвращаемся к своим истокам.

«При виде родного дома Ивашка почуял, как сильнее забилось его сердце, и к горлу подступил теплый комок. И что за неведомая сила прячется в человеке, которая жадно влечет его в отроческие края?»

Эти строки из исторического романа Бориса Евгеньевича Тумасова «Земля незнакомая». Да, действительно, для многих из нас Древняя Русь – таинственная terra incognita: неизвестная, неисследованная земля. И заслуга Тумасова в том, что он открыл её своим читателям, распахнув перед ними таинственный занавес времени.

Сорок лет прошло, как была издана эта книга, состарились ее первые читатели, на смену пришли другие, которые с тем же трепетным волнением следят за судьбами героев. Мы видим, словно наяву, храброго князя Мстислава, сражавшегося в битве с касогами силача Редедю, восхищаемся мудростью его брата, князя Ярослава, сочувствуем «сыну смерда» Петруне, который в детстве лепил из глины забавные игрушки, а потом, получив блестящее образование в Византии, стал строить в Киеве соборы невиданной красоты...

В чем притягательный секрет исторических романов Тумасова? В чем причина неиссякаемого читательского интереса к его произведениям?

Творчество писателя всегда незримо связано с его биографией. Борис Евгеньевич Тумасов родился 20 декабря 1926 года на Кубани, в станице Уманской. В 16 лет добровольцем ушел на фронт. Воевал на 1-м Украинском, а затем на 1-м Белорусском фронтах, принимал участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками в Польше и Германии. Грудь молодого солдата украсили орденом «Отечественной войны» II степени, медали «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Тяжело раненный, чудом выживший Борис Тумасов дал себе клятву воскресить память о павших друзьях, отважных, беззаветно преданных Родине уманских мальчишках...

Четверть века спустя в Краснодаре вышла автобиографическая повесть Тумасова «За порогом юность», в которой он просто и безыскусно поделился своими военными воспоминаниями. С документальной точностью рассказал о солдатской учебе в запасном пехотном полку, о торжественном принятии присяги, о кровопролитных боях и тяжелых военных дорогах. Его друзья, ушедшие в небывшие мальчишки-солдаты, неслышно сошли со страниц книги и ожили в воображении читателей. Вновь стали говорить, смеяться, мечтать...

После войны Борис Тумасов окончил исторический факультет Ростовского университета и пять лет работал учителем истории и логики в школах Краснодара. Ныне Борис Евгеньевич – заслуженный работник культуры России, кандидат исторических наук. Почти полвека он читал лекции в Кубанском технологическом университете. Связь с преподавателями и студентами он поддерживает до сих пор. В университетском музее мы можем увидеть портрет профессора Тумасова, его книги и даже его скульптуру.

За пятьдесят четыре года творческой и научной деятельности Борис Евгеньевич издал около сорока книг. В советское время его романы выпускались тиражами в 50-100 тысяч экземпляров, а повесть о Павле Точисском была издана в серии «Пламенные революционеры» тиражом 300 000 экземпляров!

Исторический роман... В самом названии жанра заключается некая двойственность. Ведь история – это наука, оперирующая реальными фактами, а роман – искусство, непреложным законом которого является условность. Как помирить, заставить ужиться «в одной квартире» исторический факт и художественный вымысел? Споры об историческом романе, возникшие еще в эпоху Вальтера Скотта, не утихли по сей день. Некоторые ученые и критики дотошно выискивают в исторических романах «несоответствия действительности». Бывает, что герой чихнуть не может без того, чтобы тут же не последовал вопрос: «А это правда так было?»

Конечно, писатель не должен искажать исторические факты. Но его цель – не только передача определенного количества сведений по истории, а, говоря словами Льва Толстого, «возбуждение народного чувства». В художественном произведении не обойтись без фантазии, нужно только, чтобы она не вступала в противоречие с правдой. Писателю-историку иногда приходится балансировать на грани факта и вымысла, и он должен обладать безупречной интуицией, которая уберегает его от неверного шага. Такой интуицией в полной мере обладает Борис Тумасов.

Крестьянский воевода Иван Болотников из романа «Землей да волей жалованы будете» – истинный народный вождь. Главная черта его личности – внутренняя свобода. Его можно заковать в цепи, но сделать рабом – никогда. Мы видим Болотникова в различных ситуациях – в бою, в общении с крестьянами, боярами, ляхами, друзьями и недруга-

ми. Везде он остается самим собой – свободолюбивым, справедливым и бесстрашным... Но над его головой нет нимбы святости – он всего лишь человек. Вот Болотников попадает в усадьбу князя Телятевского, где в юности гнул спину перед жестоким управляющим. Его встречает жена князя – прекрасная княгиня Елена. Она принимает его любезно, отдавая дань не только его высокому положению главного воеводы крестьянского войска, но и его мужскому обаянию. Тайком приходит она к нему в опочивальню...

«До самого рассвета он жил её ласками», но когда княгиня в пылу любовной неги вдруг шепнула: «Холоп ты наш, Иванушка», воевода мгновенно очнулся от грез и отверг ласки бывшей хозяйки. Там, где нет равенства – нет любви.

Был ли такой эпизод в жизни Ивана Болотникова, не имеет значения. Вымысел в историческом романе (да и в любом другом) – это то, чего не было, но могло быть. Герой Лермонтова назвал вымысел своего любимого писателя Вальтера Скотта «волшебным». «Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую отрадную минуту, которую дарит его книга?» – с благодарностью говорит он.

Под выражением «волшебный вымысел» в данном случае подразумевается художественная фантазия. Но слово «вымысел» имеет и другое значение: «выдумка, ложь». Для Тумасова это недопустимо. Ему чужда лакировка и приукрашивание истории. В своем творчестве он следует, насколько это возможно, исторической правде, какой бы горькой, неудобной, а порою некрасивой она ни была.

Князь Олег из романа «И быть роду Рюриковичей» (тот самый, «вещий Олег», воспетый Пушкиным) свою историческую миссию устроителя Русского государства начинает с того, что разорвет Смоленск, убивает князя Тура, коварно заманивает в стан своей дружины киевских князей Аскольда и Дира и тоже убивает их. Что поделаты! В то суровое время нравы были просты, а сила являлась единственным аргументом в дипломатии.

Но шаг за шагом, страница за страницей, сквозь кровь и смерть мы видим картину трудного рождения Родины нашей, узнаем, откуда «есть пошла Русская земля», проникаемся гордостью за причастность к славному «племени россов», сумевших в незапамятные времена «взять на щит» Царьград – Константинополь и продиктовать ему свою волю. Автор порою обнаруживает столько неподдельной любви к предмету своего исследования, что мы не можем не разделить ее. Что же это, как не «возбуждение народного чувства»?

В своих произведениях Тумасов, как правило, показывает переломные исторические моменты. История для него – непрерывная борьба между старым, отживающим, и новым, прогрессивным.

Когда читаешь романы «Лихолетье» и «Да будет воля твоя», кажется, что присутствуешь на некоем дьявольском шабаше. Рвущиеся к власти князья, бояре и влиятельные поляки не гнушаются средствами к достижению цели. Всё идет в ход: убийство, обман, подкуп, предательство, клятвопреступление. На карту поставлены честь и независимость Родины. Порожденье боярского заговора – Лжедмитрий I

ведет за собой на Русь шляхетское войско, захватывающее один за другим русские города...

Тумасов рисует Лжедмитрия I противоречивой личностью. Он умен, по-европейски образован, и в этом явно выигрывает в сравнении с кремлевскими бородами тугодумами. Но даже его проницательности не хватает, чтобы понять очевидное: он всего лишь марионетка в руках презираемых им бояр, каждый из которых выжидает, чья возьмет, чтобы примкнуть к победителю, а затем, предав его, самому прийти к власти...

«Отрепьев нам до поры надобен, – признается князь Голицину опальный Романов-Филарет. – Покуда Борису свалим. А что до придуманного нами Дмитрия, так мы, князья и бояре, его породили, мы его и развенчаем. Аль у нас на то силы не хватит?»

Тумасову не нужно ничего придумывать, чтобы заставить читателя напряженно следить за развитием действия: захватывающий сюжет романа написан самой историей.

Москва пылает, как огромный костер. Страна неотвратимо скатывается к катастрофе... Но вот в славном граде Нижнем поднимается на бочку из-под рыбы, «коренастый мужик со стянутыми тесьмой волосами». Это Кузьма Минин, зажиточный торговец, избранный нижегородцами земским старостой. Страстно звучит его призыв: «Отдадим всё, чем богаты... заложим дома свои и имущество, злато и серебро внесем на алтарь Отечества!» Еще никто не знает, что великий народный порыв патриотизма на нижегородской базарной площади – начало освобождения и возрождения Руси...

На стороне шляхетского войска перевес в численности и вооружении. На стороне народного ополчения, возглавляемого Мининым и Пожарским, – неоспоримое моральное превосходство, да еще Божья милость, что, в конечном счете, помогает нашим воинам одолеть сильного и жестокого врага.

В 2007 году в Москве была переиздана повесть Тумасова «На берегах южных». Её герои – черноморские казаки, бывшие запорожцы. Тумасов не идеализирует казачью вольницу. На сходках атаманы любят поговорить о братстве, но на самом деле среди казаков царит социальное неравенство. Зависимость беднейших казаков от богатых «собратьев», голод и издевательства толкают их на бунт, который жестоко подавляется царскими войсками.

Тумасов показывает нравственное превосходство простых казаков перед «панями». Во время Персидского похода жестокий и жадный Коляда пытается вытрясти из пленников деньги. Но денег у них нет и в помине. Разъяренный Коляда убивает одного из пленников, но рядовые казаки вступаются за «басурман», предотвращая дальнейшую резню: «Иди отсюда, аспид! Мало ты в Астаре пошарпал? Чего душегубствуешь?»

Написанная еще в 1962 году, повесть «На берегах южных» пользуется в наши дни большой популярностью. Устав от детективов, читатели потянулись к серьезным книгам. Романы Бориса Евгеньевича охотно печатают известные издательства, такие как «Вече», «Армада», «Астрель» и другие. Только за последние семь лет были опубликованы более десятка его произведений.

Трудно перечислить великое множество литературных премий и наград, которыми удостоен наш выдающийся земляк. Но о двух из них мы напомним: в прошлом году Борис Тумасов стал лауреатом Международной литературной премии им М. А. Шолохова и лауреатом Российской премии «Венец Победы».

Через всю жизнь Борис Евгеньевич пронес нежную любовь к своей жене, Антонине Васильевне. Обаятельная, интеллигентно сдержанная, она стала для мужа верной и заботливой подругой, советчицей, его единственной музой.

В начале нынешнего года Бориса Евгеньевича и Антонину Васильевну постигла страшная трагедия: они потеряли сына. Никакие слова утешения не могут смягчить душевную боль родителей. И всё же хочется через нашу газету выразить им самое глубокое и искреннее соболезнование от имени всех кубанских писателей. Мы разделяем ваше горе, дорогие наши Борис Евгеньевич и Антонина Васильевна... Держитесь!

России не раз приходилось переживать «лихолетье». Но какие бы времена не стояли на дворе, писатель не изменяет своим принципам. Они просты: жить честно, целиком отдавая себя делу, которому служишь.

Борис Евгеньевич Тумасов – один из самых известных писателей-историков России, чей беспристрастный взгляд ученого сочетается с поэтическим мировидением художника, создавшего живые картины «давно минувших дней». Читая его книги, мы переживаем «отрадные минуты», испытываем «любовь к родному пепелищу» и с новой силой осознаем себя русскими.

Людмила Хоруженко

Юбилей

Борис Тумасов

На рубежах южных

(отрывок из повести)

В конце XVIII века с Украины на Кубань, на земли бывшего русского княжества Тмураканского, переселились запорожские казаки, названные незадолго до этого черноморскими. Пришли они сюда, на южный рубеж государства Российского, по велению царицы, чтобы своими станицами закрыть дорогу на Русь туркам и немирным абрекам.

С той поры и стала заселяться кубанская земля.

Весна пришла на Кубань. Старые вербы полощут сочные листья в мутной воде. Ветер гонит рваные тучи, со свистом проносится по безлюдным станичным улицам и, ударяясь о белые мазанки, вырывается в степь. Рано пробудилась в этот день станица Васюринская. Длинной лентой белых хат вытянулась она на правом обрывистом берегу Кубани. Многие напоминает в ней о гордом прошлом Запорожской Сечи. Вспоминали старики, что еще в начале XVI века объявился на Сечи казак Васюринский. Храбростью снискал он уважение своих боевых товарищей, и, когда стали казаки делиться на курени, избрали они его куренным атаманом. Шли годы, много было атаманов, а имя Васюринского прочно закрепилось за куренем. Потомки тех запорожцев, казаки этого куреня, и основали на Кубани сторожевую станицу Васюринскую...

Ранним утром с ночного лова возвращался в станицу молодой казак Федор Дикун. Кубань, вспененная, дикая, мчала лодку вдоль рыжей кручи, норовила разбить ее. Но Федору любо померяться силой с буйной рекой. Он ловко работает веслами. Ему жарко, на смуглом лице выступили капельки пота. Федор вытирает их рукавом свитки. На дне лодки, разбрасывая брызги, бьется двухаршинный сом, мучительно зевает большим ртом. Дикун приналег на весла. Они протяжно скрипят в уключинах. Наконец, вырвавшись из стремнины, Федор погнался лодку к берегу, низким голосом запел:

*Дремлет явор над водою,
К речке нахилился.
На казачьем сердце горе.
Хлопец зажурился...*

Федор не видел, как, услышав его песню, ускорила шаг молодая казачка, спускавшаяся по крутой тропинке к реке. Только ведра быстрее закачались на расписном коромысле. Придерживая их, казачка смотрела на сильного гребца, и в губах ее пряталась улыбка.

Сбежав к вербам, возле которых казаки обычно чалили свои лодки, девушка по-

ставила ведра и, затаившись у дерева, смотрела на Федора. А песня неслась над Кубанью:

*Рад бы явор не клониться, —
Речка корни моет.
Рад казак бы не журиться, —
Да сердечко ноет.*

Лодка быстро приближалась. Зашуршав по песку, она мягко толкнулась о берег.

— С чего ж оно у тебя ноет? — вдруг негромко спросил девичий голос. Федор резко обернулся.

— Анна! И как же я тебя не заметил?

С минуту они смотрели друг другу в глаза, не пряча своей радости. Потом девушка смутилась, отвела взгляд.

— Эх ты, казаче! За песней и абрека просмотришь. Он бы тебя враз связал, — проговорила она.

— Не свяжет! Я его вот так. — Федор подхватил Анну, легко поднял ее.

— Пусти, сбесился, — попыталась вырваться она.

— Вот тебе! — Он поцеловал ее горячие губы. — Чтоб в другой раз не пугала...

— Уйди, Федька! Увидят. Вон глянь!

Он выпустил ее, посмотрел на обрыв, но там никого не было. А девушка, раздумываясь, счастливая, уже набирала в ведра воду.

Было время, когда Федька Дикун и внимания не обращал на соседку, атаманскую дочку Анну. Была она лет на десять моложе Федьки — угловатая, большебертая, темноглазая. Случалось, что Федька галкой ее дразнил. И вдруг к шестнадцати годам черная, голенастая галка превратилась в красавицу. Тугой силой налились плечи. Голова черной косой опоясана, темные глаза прямо в сердце просят.

Понял тогда Федор, что не жить ему без этих глаз, без этой веселой и гордой улыбки...

— Анна!

Он шагнул к девушке.

— Вот подойди, так и остужу, — добродушно пригрозила Анна и, подняв коромысло, легко пошла наверх. Федор не сводил с нее глаз.

— Аннушка, — окликнул он. Она обернулась. — Приду вечером. Выйдешь?

Анна улыбнулась.

— Приходи, коли не боишься.

— А чего мне бояться? — Федор нахмурился.

— Ну-ну, приходи! — крикнула Анна.

Она ушла, а Федор все еще стоял, задумавшись.

Двор Федора Дикуня выходит в глубокую балку, поросшую молодым дубняком и колючим терновником. У самого плетня маленькая выбеленная хатка под чаканом. Ее единственное подслеповатое оконце, затянутое бычьим пузырем, смотрит робко и сиротливо. К хатке пристроен сарай. Он еще не покрыт, и его дубовые стропила напоминают ребра скелета. В сарае пусто. Хозяин строит его, надеясь со временем обзавестись конем, а может быть, и коровой. По всему двору ветер разбросал прошлогодний курай, сухие листья камыша. Живет Дикун вдвоем с матерью, круглый год батрачит у соседа, атамана.

Подворье станичного атамана Балябы напротив, через дорогу. Просторная хата гордо глядит тремя окнами с резными наличниками. Окна сверкают дорогими стеклами. У двери два столба держат крашенный голубой краской навес над крыльцом. Под одну крышу с хатой сарай, за ним — подкат для арбы. В другом углу двора приземистая кошара, а рядом длинная скирда сена. Посреди двора колодец с журавлем.

Крепкое хозяйство у атамана: две пары коней, коров дойных четыре и овец не меньше полсотни. А семья — сам Степан

Матвеевич. И тот поклялся в этом умирающему...

В воскресенье, после сытного обеда, Степан Матвеевич был в хорошем настроении. Он встал из-за стола, набил самосадом отделанную красной медью люльку, кресалом высек искру. Трут затлел, распространяя по горнице едкий дымок.

— Ишь, вони наделал, — ворчала Евдокия.

Степан Матвеевич промолчал. Ему было лень вступать в пререкания. Глазами он медленно блуждал по выбеленным стенам. Евдокия вышла, сердито хлопнув дверью.

Из кухни доносился стук мисок: Анна убирала со стола.

Выкурив люльку, Степан Матвеевич вынул ее об мозолистую ладонь, откашлялся и теперь раздумывал, куда бы пойти. Сидеть в хате не хотелось, по двору делать нечего.

Стукнула дверь. Степан Матвеевич лениво скосил глаза. У порога стоял Федор. На нем была новая свитка и новые шаровары. Юхтовые сапоги блестели от жирной смазки. Дикун мял в руках мерлушковую шапку, перешедшую ему от отца.

— К вам, Степан Матвеевич, — сказал он. Баляба недоуменно глядел на Федора.

— И чего ты, Федька, так вырядился? — удивился он.

— К вам, Степан Матвеевич, — повторил Дикун.

— Ко мне, стало быть? — Атаман прищурил маленькие глазки. — Ну, тогда кажи.

— Не знаю, как и казать, Степан Матвеевич.

— А ты садись да кажи, небойсь...

Дикун присел на край скамьи, положил рядом шапку.

— Я, Степан Матвеевич, хочу вам казать, что по сердцу мне Анна.

Брови атамана сошлись к переносице. Но Баляба сдержал себя, притушил свой злобный взгляд и тихо, словно раздумывая, проговорил:

— Хм... Стало быть, по сердцу? А может, и сватов зашлешь? Ну, так слухай, — и снова набив трубку, Баляба медленно продолжал: — Слухай, Федька, что я тебе расскажу! Да... Был смолоду у меня жеребец, добрый был. Вот однажды на крещение выехал я на Ордань. Санки кованые, жеребец бежит, минует, по льду подковками цокотит, — Степан Матвеевич закрыл глаза, будто вспоминая, потом, открыв, продолжал: — Да, смотрю, Евдокия, жинка моя теперешняя, стоит, а с ней Марья, подружка её. Я жеребца: тпру-у! «Садись, — кажу, — Евдокия, покатаю». А она, стало быть, ломается. «Я одна не хочу, я с Марьей». Да. Подождал, пока Евдокия села. А Марья ногу одну на санки поставила, другой еще на льду стоит, тут я как стибнул жеребца! Он, стало быть, и рванул, а Марья брык на лед, и ноги задрала...

Баляба мелко засмеялся. Неожиданно оборвав смех, серьезно сказал:

— Так вот, Федор, не лезь, как та Марья, в чужие санки, — и видя, что Дикун вскочил со скамейки и стоит перед ним, прикрикнул: — Геть, голодранец, покуда я тебя кнутом не отжил! Хозяйства моего захотел!

Федор ответил глухим голосом:

— Не милости просить я до вас приходил. И не хозяйство мне ваше нужно, хай оно вам. Батько мой жил без его, и я проживу, — и, хлопнув дверью, вышел.

Весь остаток дня Степан Матвеевич ходил хмурый. За ужином сказал дочери:

— Ты слухай меня, Анна. Чтоб и в думке у тебя Федьки не было! Не ровня он тебе, наймитом был, наймитом и сдохнет. Чувешь? Анна уронила ложку, расплакалась.

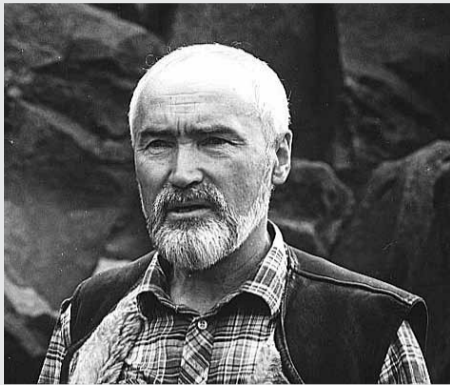
Матвеевич с женой Евдокией да дочь Анна. Степан Матвеевичу за сорок. Ростом он невелик, но породный и в движениях медлительный. Оскалом мелких зубов и злым взглядом Баляба напоминает хищного хоря. Восьмой год держит он атаманскую булаву в своих цепких руках. И любил он только эту булаву да дочку Анну. В последний год не раз сваты заходили во двор Балябы, но атаман только отговаривался от них:

— Не пора еще, да и нам наша девка не в тягость!

Ходили по станице слухи, что думает Баляба отдать свою дочь за какого-нибудь богатея. Замечал Степан Матвеевич, как иногда украдкой от него поглядывала Анна на Федора Дикуня. До поры, до времени прималчивал Баляба. То ли надеялся, что пройдет это у девки само собой, то ли сдерживался, чтобы не трогать Федора. Видно, помнил старый атаман, как в турецкую войну, когда надели на него четверо янычар, Федькин отец пробился к нему и спас от смерти. В том бою срубили янычары смелого Дикуня. Перед смертью просил он Степана Матвеевича не забывать его се-

Юбилей

ЛЕОНИД
МИХАЙЛОВИЧ
ПАСЕНОК

Родился в 1926 году на Украине в селе Великая Цвиля (не так далеко от ныне всем известного Чернобыля) в учительской семье. В тех же местах в канун Великой Отечественной войны окончил сельскую семилетку – и на этом завершилось его стационарное образование. Всё остальное – школа жизни. Пятнадцатилетним подростком участвовал в Сталинградской битве, в дальнейшем – в освобождении Донбасса и Крыма. В послевоенные годы был занят на строительстве в Капустином Яре полигона для запуска первых наших баллистических ракет.

После демобилизации работал токарем на Сталинградском тракторном заводе, рыбачил на Черном и Азовском морях, копал очистные каналы на нефтепромыслах в Баку, в качестве бетонщика строил Краснодарскую ТЭЦ.

С 1955 года – профессиональный писатель, член СП СССР (1956).

Печатался в журналах «Огонёк», «Москва», «Октябрь», «Дон», «Молодая гвардия», «Смена», «Вокруг света», в альманахах и сборниках «На суше и на море», «Бригантина», «Полярный круг», «Ветер странствий», «Писатель и время» и др.

Автор сорока книг, в числе которых «Нитка жемчуга», «Перламутровая раковина», «Хозяйка Медвежьей речки», «Семь спичек», «Съешьте сердце кита», «Люди, горы, небо», «Четверо на голом острове», «Островок на тонкой ножке», «Глаз тайфуна», «Чай с морозкой на берегу океана», «Бурное время лосося», романы «Спешите опалить крылья» и «Берег скупого солнца», а также книги документально-исторические, книги путешествий «Часы Джеймса Кука», «Русский зверобой в Америке», «Котлубань, 42-й...», «Иду по Огненному кольцу», «Иду по Командорам», «По Чаун-Чукотке», «В одиночку на острове Беринга», «Путешествие на белой шхуне», «Власть и чары Толбачика», др.

Книги и отдельные произведения Л. Пасенюка выходили на чешском, польском, эстонском и английском языках.

Много ходил в одиночку и в составе экспедиций с рюкзаком и фотоаппаратами по Камчатке, Чукотке, Командорским, Курильским островам, был в Якутии и Арктике. Его именем назван мыс на Командорах.

Участник трех международных конференций по проблемам истории т. н. Русской Америки.

Действительный член Русского Географического общества.

Член президиума правления Литфонда СССР (1981–1990).

Делегат Конгресса интеллигенции России (1992).

Лауреат премий С. П. Крашенинникова, Б. П. Полевого (Камчатка), администрации Краснодарского края и др.

Награжден орденами Дружбы, Отечественной войны II ст., медалью «За оборону Сталинграда», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. Заслуженный работник культуры РФ. Живет в Краснодаре.

БЕЗ СЕРЕБРЯНЫХ ЛОЖЕЧЕК

Жизнь прожить – не поле перейти. Начнешь вспоминать, окунешься в былое – чего только нет в том бездонном колодеце! И трагическое-драматическое, и просто забавное, повод для снисходительной усмешки спустя столетия...

Так вот, о забавном, хотя, конечно, оно может показаться таким только сейчас, да ещё если смотреть со стороны. А тогда-а... э, нет! Тогда было не так уж и смешно.

В 1947–1950 годах служил я в Капустином Яре, известном сейчас как полигон для испытаний и запуска ракет. И запуск первой такой ракеты, думалось, нашей, но, как теперь выясняется, всего лишь воссозданной нами модели немецкой Фау-2, я благоговейно наблюдал еще в октябре 1947 года. Ну, конечно, и знать тогда не знал, что отношение к ней имеет какой-то Корольев, обретающийся, как и все мы, где-то здесь рядом, в Капустином Яре.

Потом была еще одна модификация Фау – Р-1, потом – еще более «кнаша», еще более «королевская» Р-2. Словом, разгоралась заря советской космонавтики, и всё, что было с этим связано, окутывала завеса густой секретности. Что ж, чуть какие-либо осложнения или тайны – страдают в первую очередь стрелочники. Всему миру уже было известно, что происходит в географической точке Капустин Яр, по слухам, об этом вещала уже и Би-Би-Си, мы же напускали ещё больше туману, бдели, что называется, до посинения. В итоге примерно с 1948 года и до последних дней моей службы в Капустином Яре солдатам и сержантам были вообще запрещены увольнения – во избежание утечки информации, которая, повторяю, ни для кого не была секретом. И уж никак не для жителей Капустина Яра, слава богу, хоть не выселенных куда-нибудь дальше в пустыню (кого-то где-то и выселяли, правда)... да и солдаты, по роду службы имеющие на то особое разрешение, шастали по селу во всех направлениях. Но в общей массе, в которой безлично спрессовано было и мое придушенно попискивающее «я», казарменный тот гнет воспринимался с чувством обиды и недоумения. Тогда в тех наших бригадах дослуживали в большинстве фронтовики призывов 1942–1944 годов, контингент бывалый и изрядно уже подуставший, обеспокоенный ещё и тем, что прошли все мыслимые пределы службы, давно позади война, а под ружьём держат как бы бессрочно... вне всяких законов и конституций... Служи, раз велют – вот и весь разговор! Лично я ко времени, о котором пойдёт речь, тянул унылую солдатскую ляжку уже седьмой год. Так что нередко мог и несогласие позволить, внутренний или открытый протест. Открытый – в виде хотя бы и самоволки...

А тут и случай подвернулся.

Был у меня дружок-приятель, благодаря навыкам хорошего чертежника имевший в группе войск, даром что солдат, особый статус. Инженеры его ценили, держали чуть ли не с собою наравне – и общему распорядку в казарме он не подчинялся. Так вот, пользуясь этим своим положением при штабе, а главным образом, поразительным нахальством, он по вечерам тихо испарялся из казармы и на виду у всего гарнизона старательно месил босыми ногами глинистую смесь для саманных кирпичей. А из этих кирпичей, как можно теперь догадаться, сложил на людной улочке, посреди шастающей патрулей и сослуживцев, аккумуляторную, об одну комнатку, хатку. Дело в том, что он сошёлся с вольнонаемной телефонисткой коммутатора и – сколько же можно терпеть! – решил, наконец, зажить семейной жизнью... чему казарма, понятно, никак не способствовала!

Случай этот – самовольного возведения таких вот саманных хором – думаю, единственный во всей победоносной истории Вооруженных сил и безусловно в другие времена заслуживал бы пера Бабея. Меня, например, он поверг в изумление не меньшее, чем запуск первой той фау-баллистической ракеты.

6 ноября 1948 года, как раз в канун годов-

щины Октябрьской революции, очень, так сказать, приуроченно приятель пригласил меня и ещё одного закадычного нашего дружка на новоселье.

– Так ведь увольнительных не дают, – робко возразил я.

– Тебя, сапера, учить, как проволоку раздвинуть, чтобы пролезть? – резонно заметил приятель. – Главное, чтобы в казарме до отбоя не хватились. Хотя смотри сам.

Проволоку раздвинуть не составляло труда (ею по частоколу была огорожена каждая из бригад, пропустить бы ещё ток – и готов концлагерь), да и цельности в этом ограждении не было: проволоку нет-нет да и рвали, втапывали в грязь...

В назначенный час, когда уже свечерело, я сидел в крохотной, такой щемяще «цивильной» глиняной избёнке, среди веселой суеты и приглушенного галдежа, пригубивая брагу из стакана.

Хозяин важно красовался в белой отутюженной рубашке во главе стола, гордясь своим рукотворным подвигом, будучи при своих, впрочем, весьма зыбких, правах – и ни о чём таком постороннем не тревожась.

Командорские острова

Я же исподтишка нет-нет да и поглядывал на два окошка, неплотно, с зазорами, занавешенных старыми газетами. И не зря: патруль был тут как тут. Хозяину что? Он в белой рубашке. Он во главе застолья, на него кощунственно и помыслить. А мы при погоне. Именно на нас с Лешей Рахманиным, как на беззащитных лягушек, был нацелен удавонемигающий взгляд патрульного лейтенанта,

– Това-арищ лейтенант! – жалко затянул Лёша, медленно приподымаясь. – Да мы... Да нас...

– Брось, не унижайся, – одернул я его, с беспешным достоинством поповшего впросак мушкетёра допивая мутное свое «бургундское». – Конец комедии.

Таким образом, пострадали лишь мы. Не сообразили напялить на себя что-нибудь такое рабоче-крестьянское, бывшее в употреблении, никто бы и не придрался. Теперь-то чего уж...

Несмотря на то (или как раз поэтому), что увольнения в гарнизоне были запрещены, в ночь под великий праздник победившего социализма гарнизонная гауптвахта скрипела и стонала от самовольщиков, и не сказать, чтобы поголовно трезвых. Командант гарнизона, подполковник со звучной фамилией Пушкин, по слухам, жалости не ведающий, лирике не внемлющий (даром что однофамилец), смерил нас испепеляющим взглядом и... взять на гауптвахту отказался: некуда.

– А мне что с ними делать?! – взмолился старательный лейтенантик, страдалец за дисциплинарный устав.

– Ведите в какую-нибудь из бригад, в двенадцатую хотя бы, у них там своя гауптвахта...

(Двенадцатая, если память не изменяет, в бытность её зимой 43-го на устройстве пе-

реправ через Сиваш удостоилась внимания известного писателя-мариниста Леонида Соболева, был у него такой пространный очерк «Дорогами побед» – в том числе и о фронтовых буднях саперов. Наша Седьмая в поле его зрения тогда не попала, хотя плюхалась в сивашской ледяной грязи по соседству. Но это так, к слову.)

В Двенадцатой нам разрешили только переночевать – своих таких же хватало. Мой дружок по несчастью, ефрейтор Рахманин, нёс службу на коммутаторе телефонистом-связистом и в этом качестве, похоже, был незаменим, утром его отозвали на дежурство. Я орудовал больше топором, ломом и лопатой, где особо интеллект не предполагался, без меня вполне могли обойтись. Тем не менее выставили из Двенадцатой и меня, препроводив под надзором в родной батальон: ваш, мол, кадр – вам и разбираться...

Тотчас предстал я пред очи комбата подполковника Дурова. С нами ни под Ростовом, ни в Донбассе, ни на Сиваше он не был, знал я его плохо, а он меня и вовсе не обязан был знать, таких у него набиралось до семисот... Стройный, щеголеватый, за-

метно заносчивый, какой-то весь как бы устремленный в командные выси... У него было шесть или семь боевых орденов, потом их стало еще больше. Да польских крестов за боевые заслуги не менее четырёх-пяти... Да ранений семь, из них три тяжелых... Короче, личность, о чем я, увя, тогда не догадывался, да и откуда мне, солдату... не того круга...

Подполковник был заметен под градусом (почему бы и нет – праздник!) и крайне раздражен. Меня он в упор не различал. Оказалось, что я – единственный, запятнавший своим поведением – именно в дни Великого Октября! – наследующий славные традиции 121-й Мелитопольский батальон, отмеченный некогда в приказе самого товарища Сталина (наряду с дивизиями, корпусами, армиями – и вдруг даже батальон!). Голос у Дурова был режущий, с тонким металлическим припуском. На психику это действовало. Я покаянно внимал ему и перечить, естественно, не смел, хотя мог бы и уточнить, что под Мелитополем Дуров как раз и не был, а я – единственный из всего нынешнего состава батальона! – как раз и был. Это что касается боевой славы, традиций и прочего. Ну да уж виноват, чего тут...

Итак, я получил семь суток содержания на строгой гауптвахте, на «строгаче» (что значило: день на полном котловом довольствии, день на хлебе и чае). Но Дурову показалось мало, и, уходя, он презрительно бросил:

– Оболванить его!

Сие было уже совершенно излишне. Явное нарушение Устава, по которому, в жуковской жесткой редакции тех лет, в случае какого-либо неповиновения, сопротивления и тэ пэ, солдата можно было призвать к порядку посредством даже «применения оружия».

(Продолжение на стр. 7)

Юбилей

(Окончание. Начало на стр. 6)

Точнее говоря, не то чтобы прямо-таки стрелять, нет, но хотя бы для острастки огреть прикладом автомата, однако волос солдатских не трожь! Поскольку по тому же Уставу старослужащим разрешалось отпускать так называемый короткий зачёс. Ну, а где короткий, там бывал и чуть подлинней, и вообще иногда ухарский, никто до сантиметра не уточнял.

Приказ командира – закон: меня враз «оболванили», то есть остригли наголо. Для солдата-старичка, тем более знающего фронт, то была крайняя степень унижения. Лично я, впрочем, никогда по волосам не убивался, не делал из причёски культа, и, когда на то уже была полная моя воля, с буйной шевелюрой почти не ходил. Обычно стригся предельно коротко. Потому должного воспитательного воздействия в данном случае эта мера не произвела, но для заносчивого подполковника кое-какие последствия, очевидно, имела...

В бригаде, повторяю, и тем более в батальоне гауптвахты не было, и меня попросту втолкнули в теплую каморку об одном зарешеченном окошке, где солдаты сушили обувь и шинели. Как правило, зимой. Сейчас она пустовала, до половины заваленная всевозможной мягкой амуницией.

Запиралась «сушилка» на всякий замочек, её никто, кроме дневального по казарме, специально не охранял, и что немаловажно: при желании фанерную филенку внизу на двери можно было оттянуть и сунуть в образовавшуюся щель всё что угодно, вплоть до ротного миномета, и даже в те дни, когда Устав предписывал довольствоваться только хлебом, водой и думать о спасении души, я преступно поглощал и супы, и каши, принимал всевозможные приношения доброхотов. Друзья старались вовсю, а дневальный солидарно держался стороны. Счастливая хозяйка известной саманной новостройки, тяготясь грузом невольной вины, уже на другой день передала мне по цепочке сверток с вкуснейшими пирожками собственной выпечки, приносила тайные передачи и после.

В тот именно день Дуров почему-то решил нанести мне ещё один визит – как и прежде, в сопровождении любопытствующей свиты ротных и взводных. Скользя взглядом по голомозой моей голове, он хмыкнул и сказал:

– Ну, как тебе здесь, Пасенюк, на скуденном пайке «строгача»?

Седьмого ноября, спасибо социалистической революции, меня еще покормили (чтобы не было на неё обиды), восьмого же должно было захнуть впроголодь,

– Да кое-как перебиваюсь, товарищ подполковник, – смиренно ответил я.

На сей раз Дуров был в приподнятом, даже игривом настроении (видимо, никаких дополнительных ЧП за истекшие сутки в батальоне не произошло) и продолжал не без ехидства:

– А знаешь, что в столовой было на завтрак?

– Никак нет.

– А-а, так-то вот, – продолжал он чуть ли уже не с отеческой укоризной. – У товарищей твоих на завтрак сегодня была жареная картошка!

Нечто неслыханное в солдатском меню, манна небесная в пустыне Син. Обычный рацион наш состоял из перловки, макарон и прокисшей капусты с чисто символическим добавлением то ли мяса, то ли жилкокосточек от него. Да, это-то уж исключительно ради торжества Великого Октября...

Я пожал плечами, в душе сокрушаясь лишь о том, что картошки было мало.

Протолкнул мне её в потайное отверстие ещё один задушевный дружок, кстати краснотареец, Леня Холодов, непринужденно при этом напевая то ли «Утро красит нежным светом...», то ли «Не спи, вставай, кудрявая...». Вполне на злобу дня, при моей-то «оболваненной» голове!

– То-то и оно, – успокоенный моими якобы голодными муками и собственной сытостью, хохотнул Дуров. – А у тебя жареный чаек!

Так мы друг над другом потешились, он явно, я в душе, зная то, о чём не мог даже предположить он при всей своей силе и власти... и дальнейшие наши отношения

оборвались эдак, пожалуй, лет на тридцать пять. Возродились они уже на другой основе и на более обоюдодоприемлемой, чем казарменная сушилка, арене действий.

Впервые это произошло в ресторане «Арагви», где в очередной раз встретились ветераны нашей бригады. Не сразу, быть может, даже не тогда, а несколько позже я намекнул Дурову на особый характер наших отношений в прошлом. Уже без всякой обиды, просто чтобы снисходительно посмеяться над каверзностью той ситуации.

Не приняв, однако, предложенного тона, он ответил с явной неловкостью:

– А я и не помню, чтобы я вас сажал на гауптвахту.

Он помнил, полагаю, и очень хорошо. Он помнил меня – и памятна ему была та сушилка-гауптвахта. Дело в том, что «надругательства» над моей головой я вовсе не простил – и, отсидев своё, настроичил-таки жалобу в газету «Красная звезда», в те годы я усиленно тренировал перо, рвался в ряды пишущих и публикующихся. В окружной ростовской газете «Красное знамя» было даже отмечено однажды в обзоре поступавших в редакцию рукописей, что у меня есть «чувство слова» (вырезку берегу и по сей день), – так что письмо получилось достаточно убедительным, с тем самым «чувством слова», да и факт нарушения комбатам Устава был неоспорим.

Ответом из «Красной звезды» меня не удостоили, чего уж расшаркиваться перед каждым самовольщиком, но комбату по каким-то там каналам, скорее всего, было сделано внушение. Я мог лишь предположить это по тому, как старательно избегал он хотя бы даже нечаянных внестроевых контактов со мной.

И все же столкнуло нас время и общее пережитое, столкнуло... Что ж, встречаясь, в разговоры обычно не вступали, у каждого было с кем поговорить-повспоминать и помимо... Да и ритуал обычно не позволял отвлекаться: сбор у Большого театра, затем Красная площадь, могила Неизвестного солдата у кремлевской стены... ну и, конечно, обязательный банкет в ресторане, где наконец-то наступала полная раскрепощённость, души отмякали, воспоминания о былом после одной-двух рюмок вызвали сумбур переживаний и слезы умиления. Конечно, фронт фронтом, но когда для большинства отвоёванных оставались рутинная служба в захолустных гарнизонах либо тихие трудовые будни, две-три саперные бригады, в их числе и наша Седьмая Краснознаменная Симферопольская, продолжали, как тут точнее сказать, свою деятельную как качественно отличным, предкосмическом витке. Сначала в Капустином Яре, а потом и в Байконуре. Было чем гордиться. Фронт-овой лейтенант нашей бригады Александр Фёдоров (я общался с ним на Сиваше в некотором роде почти запросто) руководил всем военным строительством Байконура и вышел в отставку генерал-майором, Героем Социалистического Труда. Другой мой фронт-овой сослуживец комбриг Михаил Халабуденко соорудил здесь исторический стартовый комплекс, с которого в грохоте и пламени вышел на космическую орбиту Юрий Гагарин. Здесь же ходил в комбригах и Георгий Дуров...

В 1960 году при явно преждевременном запуске одной из ракет погибло здесь много народу, в том числе известный военачальник маршал артиллерии Неделин. Кажется, именно тогда сильно пострадал и Дуров (семь раз меченный на фронтах Отечественной, получил он свою горькую долю беды и на этом предкосмическом). Нагло тался тогда газа, ядовитых испарений, что едва не свело его в могилу. Потребовалась операция, особенно сложная на желудке, отравленном ядами. Состояние его было почти безнадежным. Но выкарабкался и на сей раз!

И вот в декабре 1991-го, среди хаоса и разрухи, захлестнувших некогда могущественное, увы, тоталитарное государство, мы так или иначе собрались на Праздник именно в Байконуре. Мало уж нас, тех, кто ещё остался в живых и способен на дальние поездки, человек шестнадцать всего из бывшей Седьмой... чьё знамя и сейчас в Байконуре, чей 50-летний юбилей решено все же крупно отпраздновать. В последний, наверное, раз... Леша Рахманин, вместе со мной некогда в Капустином Яре угодивший в лапы патрулю, да вот ещё разве аккордеонист, всеобщий любимец Боря Липман, – мы самые молодые, нам всего-то по 65-67... Примечательно, что в батальоны на встречи с молодёжью почему-то не повезли. Есть какие-то опасения, возможность «нестыковки» поколений? Да уж, действительно, не те времена, не те порядки, не тот и контингент в частях. Ко времени пришлось сейчас информация по телевидению, да вот и в «Известиях»: «На Байконуре бунтует стройбат» (27.2.92). Кто виноват? В чём и где корни? Что происходит с армией, в которой, как я считаю, хотя бы и на основании собственного опыта, и раньше хватало беспорядка и беззаконий?

Но встречают и угощают нас хозяева хорошо, за всё щедро расплачиваются, возят по объектам, показывают возведённые ими фантастические сооружения в пустыне, научные лаборатории, разные «Бураны», «Энергии», стоящие на приколе за нынешней ненадобностью, неразберихой. Почёт нам и всеобщее уважение. Но в гостинице изрядно холодно, хотя и стоят дополнительные обогреватели. Меня, как опытного путешественника, выручает запасливо прихваченный на дому кипятильник, и кружка горячего чая всегда наготове. Заглядывает один товарищ, другой, кто-то простудился уже – тем более необходимость в целительном кипятке. И хотя Дуров расположился в люксе, но кипятильника у него все-таки нет. А чайник один на всю гостиницу! Маэта...

– Так пойдемте, – предлагаю, – чай у меня есть.

– Да? Можно? – обрадовался он, и тотчас мне вспомнился «жареный чаек» 1948 года! Вот аж когда аукнулось...

– Конечно. В кружке – это ведь бы стро, пять минут.

– Заварку взять?

– Да нет, не нужно.

– Тогда, может, конфет?

– Да есть сахар. – Поколебавшись, уступил, решил войти в долю. – Ну, если хотите...

Таким вот образом, спустя многие десятилетия, можно сказать, пережив смещение эпох, я вновь выхожу на Георгия Дмитриевича Дурова. Один на один. И теперь уже в некотором роде на равных. Мне это интересно. У меня свой расчёт. Я, в общем-то, умею теперь писать не только жалобы в газеты.

Однажды я уже слышал застольную речь Дурова, он красочно и эмоционально живописал пребывание на Байконуре президента Франции де Голля. Де Голль якобы не верил, что у нас есть межконтинентальные ракеты, и с разрешения Хрущева ему их показали. Даже одну при нем запустили – на, мол, убедись! Де Голль убедился (не знаю уж, был ли огорчен, но что-то в его политике изменилось в те годы к лучшему, хотя тут, наверное, разные могли быть причины).

Выспрашиваю у Дурова подробности, они, увы, не характерны, такие люди чаще запоминают глобальное, общее: своего рода привнесённый эпохой гигантизм чувств. Но вот одна. Когда президента везли на космодром, ему нет-нет да и предлагали остановиться перекусить – возможно, кос-

модром еще не был готов к приему высокого гостя. И на каком-то полустанке (нам его показали как особую достопримечательность) де Голль наконец согласился «заморить червячка». Полустанок этот, скорее всего, стихийно стали называть впоследствии Деголлевкой, а когда Байконур посетил очередной президент Франции, Жорж Помпиду, – соответственно Помпидуевкой. На слух даже забавней, с гоголевским чем-то таким, скорее даже – щедринским...

Так вот, из предложенных ему яств де Голль изъявил желание отведать лишь зернистой икры, внимательно осмотрел столовый прибор, обычный для этих мест и застолий, мельхиоровый, поди, а то и из нержавеющей стали... и попросил вдруг серебряную ложечку! Уж не знаю, как скоро, но ложечку ему раздобыли (тогда ещё можно было, сейчас – вряд ли). Удостоверившись в том, что она действительно из благородного металла (стояла проба!), де Голль с аппетитом принялся за икру. Что ж, вероятно, на французский вкус икра и нержавейка – и впрямь кощунственное сочетание.

Это из того ряда, когда говорят – вот, мол, причуды великих. Но я вовсе не утверждаю, что так оно и было на самом деле, я лишь излагаю в пересказе то, что услышал от Дурова, быть может, тоже повторившего легенду.

...Передо мной две ксерокопированные странички из какого-то ведомственного военного сборника. Старательно перечисляются части, в которых служил Г. Д. Дуров, и бои, в которых они отличились. Какая жизнь, а справка скучная! Как обычно в таких публикациях, нет за ней человека, и того, что сажал меня на гауптвахту, и того, что был повержен ядовитыми газами «неделинской» ракеты. Нет в ней ни рассказа о де Голле с его курьезным интересом к серебряной ложечке, ни факта участия Георгия Дмитриевича в историческом банкете победителей, состоявшемся в мае 1945-го в родовом имении фельдмаршала Паулюса под Берлином. А удостоился он этой чести, по его словам, будучи то ли дивизионным, то ли корпусным инженером Войска Польского. Видно, достаточно много весили те «милитарии» кресты, которыми щедро наградили его поляки, вот даже включили его в состав польской делегации, в число семи-восьми избранных... и мне теперь немного даже странно сидеть рядом с человеком, смаковавшим русскую рябиновую (рябиновка на том банкете – причуда игравшего роль радушного хозяина маршала Жукова) в обществе Черчилля, Трумена, Молотова... Боюсь ошибиться, продолжая этот перечень, хотя, наверное, естественно назвать и Эйзенхауэра, и Монтомери, и плеяду наших прославленных маршалов, уж во всяком случае, надо полагать, Рокоссовского...

И все же хочу предупредить читателя; я пытался перепроверить этот рассказ Дурова по мемуарам наших военачальников, включая и самого Жукова и даже союзников (правда, в моей библиотеке отыскалась лишь книга О. Брэдли «Записки солдата»). И нигде не встретил упоминания именно об этом банкете именно в указанное время, именно в родовом имении Паулюса. Что ж, бывает: биография у человека прямо-таки трещит от перенасыщения событиями, подчас далеко не рядовыми в масштабах его жизни, а ему мало, ему хочется большего, чего-то уж и вовсе грандиозного.

Короче, такой ли, другой ли банкет мог быть, мог и не быть, это вполне на совести рассказчика. Ну, а если все-таки был (да хоть и не был!), тут ещё призадуматься, не удача ли, что ты когда-то «пострадал» именно от Г. Д. Дурова, да просто служил под его началом! Иначе не было бы случая оживить кое-какими неофициальными сценками и штришками сухие строки его официальной биографии, «жареным чаиком» прошлого. Да и собственная моя биография без той гауптвахты была бы бедней. «Жареный чаек»? Было, было. Было и прошло. Сейчас, не мелочась, готов угостить настоящим индийским, даже охотно. Однако и не без скрытого умысла, о чём гостю, кажется, невдомек. Не без скрытого умысла и уж явно без чёрной икры, без серебряных ложечек. Что было бы слишком, пожалуй...

Март 1992

СНЕЖИНКИ-СМЕШИНКИ

Пародии

Владимир Нестеренко

ПРАЗДНИК ЖИВОТА

*Кто-то жарит мясо.
Мясо жарит, черт возьми!*
Николай Зиновьев

Сало!
Сало достает
Мой дружок из сумки.
Ест его. Точнее – жрет.
У меня же – слюнки . . .
Ест цыпленка табака,
Смачную свинину.
Вкусно, черт, наверняка,
Лопать буженину.
Уплетает друг шашлык
С явным упоением.
Он к еде такой привык.
Для меня – мученье . . .
Курочки черед настал
С аппетитным гляncем . . .
И зачем я только стал
Вегетарианцем?!

ОТКРЫТИЕ

*Был март, а самое начало марта
Есть время гриппа, слякоти и мата.*
Андрей Шитяков
Из книги «Лёд»

Все говорят мне: «Ты – поэт!»
Но я же и природовед.
Когда услышу птичью трель –
То знаю: наступил апрель.
Коль сладкий запах из кастрюль –
Варенье дарит нам июль.
А если дождь. Упадок сил –
Ноябрь промозглый наступил.
Деревья в дивном серебре –
Январь морозный на дворе.
Когда же слякоть, грипп и мат –
Опять весна. В разгаре март. . .
Вдруг критика сопливый всхлип:
– Да, март с собой приносит грипп,
А вот насчет ядрёной брани –
Любой с тобою спорить станет:
Нет уголка на нашей карте,
Где б мат звучал лишь только в марте –
Всегда тоску и боль им глушим –
Андрей!.. Закрой-ка уши!

КУРОРТНАЯ ССЫЛКА

*Холодный мрак дождем раскис:
в нем, как горох, рассыпан город.**Он близок мне – и столь же чужд.
Я в нём живу, но словно сослан . . .
Признаться в ненависти? Поздно.
В любви раскисать? Чуть.*

Валерий Клебанов

Другие бредят только им –
Мечтают жить в роскошном Сочи.
А у меня – ни сил, ни мочи –
Он – чужд мне. Но – необходим.
Я здесь, как в Болдино, живу.
Как Пушкин –
Этот город – ссылка,
Но полнится стихов копилка –
Тут плодовитым я слышу.
Хочу, как волк, податься в лес.
И на курорте бы остаться.
Совет: «Быстрее определяться!» –
Дал критик с прозвищем Дантес.

ОДА ГАДАМ

*Сторонкой обходи,
И зла не причинят
Все этим годы, змеи, скарабеи . . .
Я их люблю и собираю . . .
И нежно глазу пальчиками шею.*

Нина Хрущ

Уверена, что гады хороши –
И змеи, и гадюки, даже кобры
Во мне не чают, скользкие, души –
Никто не смотрит сумрачно, недобро.

А я ползучих глажу, щекочу
И говорю им теплые словечки.
И научиться, как они, хочу
Сворачиваться в плотные колечки.

Не верьте, будто годы зло таят
И ненависть к любому человеку –
Мне щедро отдают отличный яд –
Я выгодно сдаю его в аптеку.

Людмила Хлыстова

Сон старого повеласа

Приснилось мне, что я вдруг... сыр,
Во мне овальных много дыр.
Не слишком острый и не пресный,
Пикантный, сплошь деликатесный,
И в гастрономчике на полочке
Блισταю глянцевою я корочкой.
Вдруг, любопытства не тая,
Подружка первая моя
Подходит, смотрит с аппетитом,
Ах, прелесть, милая Анита!
По боку пальчиком катает,
Меня кусочек отрезает.
Затем студенток давних стайка:
Наташка, Ленка, Танька, Райка –
Ко мне, хоть я не одинок,
И каждой надобен кусок!
Так я заметно похудел.
Лежу, как будто, не у дел.
Поменьше свежести и лоска,
Уже обветрилась полоска...
Вдруг вижу – пламенная Галка!
Для этой – ничего не жалко!
Щипнёт меня то там, то тут,
Вот-вот и слюнки потекут!
Куска четыре или пять
Уж съела. Тянется опять!
Ну, всё. Насытилась она.
Глядь, заявляется жена.
А я, конечно, уж не тот,
Подсох, привял, обвис живот.
С пристрастием смотрит и вздыхает,
Небрежно в сумочку пихает.
А мне тревожно так и мнится:
«Хотя бы только не на пиццу!»
Жена пластала меня томно
И ела очень экономно.
Потом соседки сверху дочка
Тайком таскала по кусочку,
Потом подруга жёнки – Зинка
Случайно съела серединку.

Я стал хандрить, страшиться малость,
Меня совсем чуть-чуть осталось...
И как-то – теща вдруг ко мне!
Что этой надо сатане?!
Она ж понюхала, помяла
И в мышеловку затолкала.
Да это просто инквизитор!
Лежу, решёткою прикрытый,
Иглою острою проткнут,
Пришёл конец мне, братцы, тут!

В подвале холодно и сыро...
Несчастный я кусочек сыра,
Средь морквы и картошки разной
Мышам подставлен для соблазна.
Как это жутко, дико, остро,
Закончить жизнь в зубах у монстра!
И скоро ль это... вот вопрос!
Уж хищный, мерзкий вижу нос...
Крючок со свистом распахнулся...
И я в испарине проснулся!
О боги! Жив! В своей постели!
Рассвет забрезжил еле-еле,
На кухне стряпает жена,
Поёт вполголоса она.
И мясом пахнет... Что желать?
Не буду больше изменять!..

Фёдор Постников

Новогодняя ночь

Зажгу свечу, поставлю на столе.
Из погребка шампанское достану...
И старый год, пока он на земле,
Я добрым словом вспомню за стаканом.

Плывёт в неспешном вальсе шар земной
В просторной зале под вселенским сводом...
Гирлянды звёзд с хрустальной Луной,
Сияют ярче перед Новым годом.

Уж скоро, скоро – ждать недолго мне –
Пробьют часы в Москве на Спасской башне.
Последний звон растает в тишине
И новый год заменит год вчерашний.

Сменю под бой курантов календарь,
Под звон бокалов пожелаю счастья.
И вместе с внуком, как когда-то встарь,
Приму в наивной суете участие.

Восторг огнём ворвётся в небеса
Под смех и звуки мирной канонады...
И будет слышно, как под звездопадом
Звенят, звенят весельем голоса...

Олег Никулин

НАПРАСНО

Чтобы избавиться от сала,
Хрю-хрю диету соблюдала.
Все перепробовала фрукты
И заграничные продукты.
Все испытала: полный голод,
Контрастный душ,
Тепло и холод.
В грязелечебнице валялась...
Какой была, такой осталась.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

За собачкою
Гонялся
И в любви
Ей объяснялся.
А потом,
Когда расстался,
То оставил
Для мамзель
Шерсти клоч
И блох...
Кобель.

НОЖОВКА

Пила пристала к дубу:
«Давай-ка жить друг с другом»,
Повизгивая даже,
Зашлась в любовном раже:
«Отгрохаем мы дачу,
Большой гараж в придачу,
Родню подключим, слушай!»
Дуб и развесил уши.
Вокруг него юлила,
Пока... не распилела.

ЩУКА

Подумала щука:
«Плёвая штука –
Проглотить малька!»
Клюнула на живца –
И не стало ловца.
А думать нужно
До того,
Как попадешь в желудок.
Во!

В РОЩЕ

У рощи на опушке
Дрожали две старушки
И думали, что в лес
Вселился страшный бес.
Все оказалось проще:
Туристы шли по роще.

БАЛБЕС

Решился
Леший
На прогресс.
Сушил болота,
Гробил лес.
И вдруг,
Как гром среди небес,
Хватил его
Сильнейший стресс.
Ну, для чего
Ему прогресс!?
Ведь полон мир
Его чудес:
Живёт в бору,
Там пьёт и ест.
А он:
«Прогресс!»
Какой Балбес!

РОБКИЙ ОСЕЛ

Я на работе все ищачу,
А в личной жизни – неудачи.
Схожу с ума и комплексую
Висят два уха, словно сбруя.
Большие зубы, куцый хвост,
Не говоря уже про рост.
Тогда сказал психолог Слон:
«Осел! Ты просто Аполлон!
От твоего «Иа! Иа!»
Ослицы просто без ума.
Ты им без робости пропой –
И радость обретешь с любовью».
Быть может, вот такой совет
Поможет мне явиться в свет.

ЗАЯВЛЕНИЕ

«Немало лет и зим лисица
На ферме воровала птицу –
Теперь куриную поджарку
Ей носит сторож зоопарка.
А я, где только ни ишачил, –
Никто мне пенсий не назначил».

ОСЕЛ